

Чу Е почувствовал невероятную радость, особенно когда старая госпожа Шэнь назвала его «Е». Его сердце словно что-то ударило, и пульс участился.

— Бабушка, вы ещё совсем не старая, не говорите так, — с улыбкой ответил Чу Е.

Если старая госпожа Шэнь приняла его, значит ли это, что он может считать резиденцию канцлера своим... домом?

— Как и Нин, всегда говоришь сладкие слова, чтобы порадовать старуху. Солнце такое яркое, а ты ещё и ранен. Быстрее, внесите Е в дом.

Старая госпожа Шэнь указала охранникам, продолжая говорить:

— Вы устали с дороги, наверное, проголодались. Обед уже готов. После еды Нин отведёт тебя в комнату отдохнуть.

— Бабушка, я не видел отца с момента возвращения. Где он? — спросил Шэнь Нин.

— Император собрал всех министров для обсуждения важных дел. Твой отец отправился в зал заседаний.

— Понятно.

Что ещё это могло быть, если не эти бродячие разбойники, появившиеся во время осенней охоты? Будут говорить красивые слова, обещать разобраться и тому подобное.

Император, скорее всего, надеялся, что эти разбойники убегут как можно дальше. Если он сам их впустил, то вряд ли будет их ловить.

За обедом Чу Е снова, ссылаясь на ранение, сказал, что не может поднять руку, и попросил Шэнь Нина покормить его.

Старая госпожа Шэнь смотрела на них с умилением, спокойно доедая свою порцию.

В зале заседаний царил торжественная атмосфера.

Министры стояли по обе стороны, выпрямившись, с почтительными выражениями лиц, ожидая, когда заговорит человек на троне.

— Происшествие на днях стало результатом недосмотра Императорской гвардии, что позволило бродячим разбойникам напасть и ранить князя-регента. Генерал Императорской гвардии Хуан Вэн пренебрёг своими обязанностями и был снят с должности, а также получил строгое наказание!

Лун Ао смотрел на министров сверху вниз, его низкий голос медленно произносил слова.

Шэнь Ту внутренне усмехнулся. По дороге в столицу Хоу Мин уже объяснил ему все детали происшествия. Этот «недосмотр Императорской гвардии» и «пренебрежение обязанностями Хуан Вэна» были всего лишь прикрытием. Кто-то должен был взять вину на себя.

Шэнь Ту вышел вперёд, слегка поклонившись:

— Ваше Величество, эти бродячие разбойники наглеют, пренебрегая границами. Жители пограничных городов живут в постоянном страхе из-за их набегов. Теперь они осмелились

ранить нашего князя-регента. Если мы позволим им продолжать, это будет неправильно. Я считаю, что необходимо отправить войска для их уничтожения, чтобы восстановить авторитет государства.

Другой министр поддержал:

— Ваше Величество, авторитет нашего государства нельзя оскорблять. Действия бродячих разбойников слишком дерзки. Я согласен с предложением канцлера.

— Я поддерживаю.

— Я тоже поддерживаю.

.....

Лун Ао нахмурился, его голос стал мрачным:

— Канцлер, как вы предлагаете провести уничтожение?

— Ваше Величество, эти бродячие разбойники уже много лет бродят вдоль границы, что говорит об их силе. Генерал Хоу Мин, подчинённый князя-регента, планирует начать операцию. Если Императорская гвардия присоединится, это значительно ускорит процесс.

Как только эти слова были произнесены, атмосфера вокруг Лун Ао стала ледяной. Его полузакрытые глаза скрывали эмоции.

Императорская гвардия должна помочь? Это означало, что его гвардия уступает войскам Чу Е!

Канцлер, которого он сам назначил, теперь благоволит к Чу Е, игнорируя его, императора!

Шэнь Ту бросил взгляд на Лун Ао, в его опущенных глазах читалось презрение.

Его слова действительно содержали намёк на то, что Императорская гвардия не справляется. Годы защиты границы, а жители пограничных городов страдают от ночных набегов разбойников.

Министры уже докладывали об этом, но Лун Ао считал, что это не имеет большого значения, и ничего не предпринимал.

Теперь, подумав, Шэнь Ту понял, что, возможно, Лун Ао давно планировал нанести удар по Чу Е.

Эта мысль заставила его вздрогнуть.

Прошло некоторое время, прежде чем Лун Ао заговорил:

— В таком случае, я обязательно окажу всю необходимую помощь князю-регенту, чтобы как можно скорее уничтожить бродячих разбойников.

— Ваше Величество мудры, — сказал Шэнь Ту, вернувшись на своё место.

— У меня есть ещё одно объявление.

Лун Ао встал, его взгляд остановился на неприметном углу.

Лун Цзиннянь почувствовал взгляд Лун Ао и слегка повернул глаза, уголки его губ едва заметно поднялись.

Наконец-то.

— Во время нападения бродячих разбойников генерал Шэнь, защищая князя-регента, получил тяжёлые ранения. Третий принц вовремя пришёл на помощь, совершив великий подвиг.

Лун Ао говорил без единой нотки тепла в голосе:

— Поэтому я дарю третьему принцу титул «И» — князь И.

Присутствующие были слегка удивлены. Обычно титул присваивали по достижении совершеннолетия, но они знали некоторые детали о Лун Цзинняне.

Лун Цзинняню было 21 год, и никогда в истории титул не присваивали так поздно. Более того, ему дали только титул, но не земель, что показывало, что император по-прежнему не считал его важным.

Лун Цзиннянь вышел вперёд, поклонился и поблагодарил, его голос был холодным:

— Ваш сын благодарит отца.

Наконец-то он получил титул. Радовался ли он?

Нет, Лун Цзиннянь даже почувствовал отвращение к этому способу получения титула.

Он получил его не только из-за того, что разрушил планы отца, но и благодаря тому, что Шэнь Юаньци находился на грани смерти.

— Теперь, когда ты стал князем, третий брат, ты больше не сможешь быть таким беззаботным, как раньше.

Лун Уян, который до этого молчал, тоже вышел вперёд, с усмешкой глядя на него.

Лун Цзиннянь спокойно ответил:

— Да, — и отвернулся.

Каждый раз, глядя на Лун Цзинняня, он видел одно и то же холодное и равнодушное выражение, независимо от того, как несправедливо с ним обращались.

Лун Ао испытывал отвращение к такому Лун Цзинняню!

Его голос стал ледяным:

— Позже я лично отправлю евнуха Фэна с наградами в твой дворец.

Ресницы Лун Цзинняня дрогнули. Он услышал, как Лун Ао подчеркнул слово «лично».

Министры могли подумать, что это знак особого внимания со стороны императора.

Но только он знал, что его ждёт.

После обеда Чу Е наслаждался заботой жены, когда услышал голос старой госпожи Шэнь:

— Е, позже ты переедешь в комнату Нина. Ты ранен, и ему будет удобнее за тобой ухаживать.

Эти слова старой госпожи Шэнь были именно тем, чего хотел Чу Е, и он поспешно согласился:

— Раз бабушка так сказала, я, конечно, не могу отказаться.

Старая госпожа Шэнь улыбнулась:

— Вы с Нином через несколько дней поженитесь, так что сейчас самое время укрепить ваши чувства. Нин всегда беспокойно спит, так что тебе придётся с этим мириться. Но, пожалуйста, не обижай Нина.

— Бабушка, Нин — это моё сокровище. Как я могу его обидеть? Не волнуйтесь.

Они начали обсуждать различные темы, связанные с Нином, и старая госпожа Шэнь рассказала Чу Е множество забавных историй из его детства, полностью игнорируя присутствие самого виновника разговора.

Шэнь Нин: «.....»

Он что, не родной? У него совсем нет достоинства?

Шэнь Ту, вернувшийся с заседания, вошёл и увидел, как старая госпожа Шэнь и Чу Е весело разговаривают. Такая тёплая атмосфера заставила его тоже улыбнуться.

Но он не забыл о приличиях и поклонился Чу Е:

— Ваше Высочество, князь-регент.

Чу Е хотел лично помочь Шэнь Ту подняться, но из-за ранения лишь махнул рукой, показывая, что тот может встать:

— Тесть, впредь, будь то в частной обстановке, на заседании или перед другими министрами, вам не нужно мне кланяться.

— Это... в частной обстановке можно, но перед министрами это будет неуместно.

И без того их резиденция канцлера была слишком заметна, а теперь, с союзом с резиденцией князя-регента, они оказались в центре внимания. Если перед министрами он не будет соблюдать положенные ритуалы, это может стать поводом для сплетен.

— Тесть, не волнуйтесь. У них не хватит смелости и возможностей, чтобы бросить мне вызов.

Шэнь Ту всё же отказался:

— Я ценю ваши намерения в частной обстановке, но перед министрами позвольте мне вести себя как обычно.

Чу Е хотел возразить, но Шэнь Нин остановил его.

— Лучше сделать так, как говорит отец. Лишние проблемы нам не нужны, особенно в этой коварной политике.

Он был тронут словами Чу Е и знал, что он делает это ради него.

Любовь к одному человеку распространяется на всю его семью. Чу Е мог ради него одного любить всех его близких.

<http://bllate.org/book/16387/1483843>